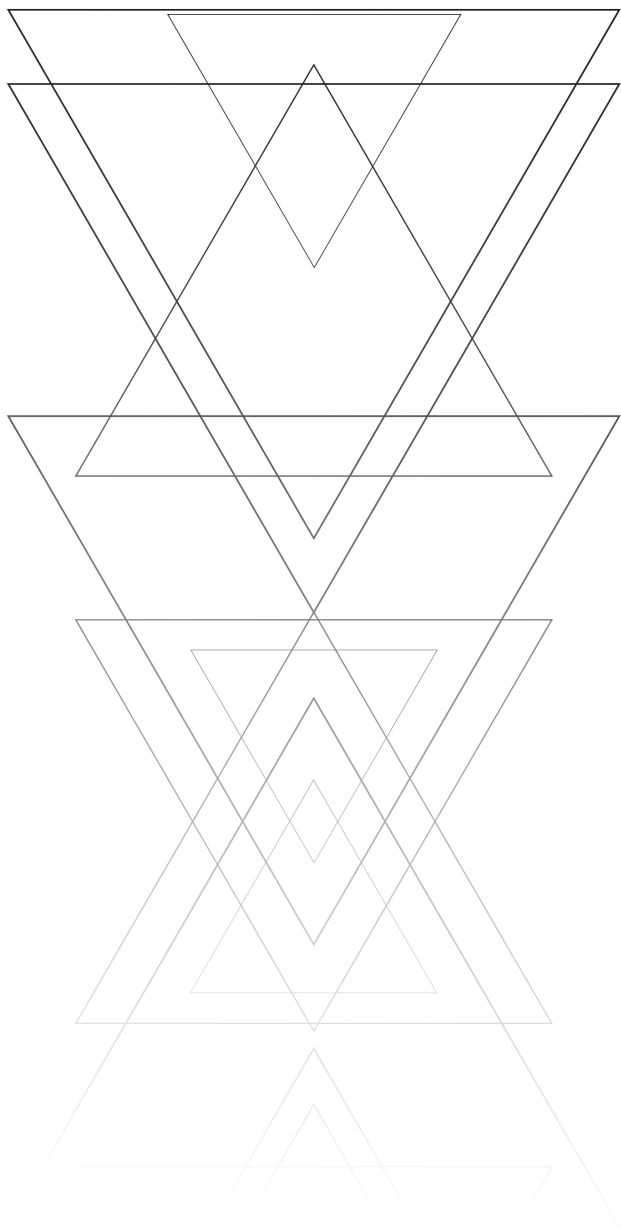

МОЙ КСЕНИЯ БУРЖСКАЯ БЕЛЫЙ

INSPIRIA

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б91

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

Издательство выражает благодарность
литературному агенту *Анне Сухобок*
за помощь в приобретении прав

Буржская, Ксения.

Б91 Мой белый / Ксения Буржская. — Москва : Эксмо,
2022. — 256 с.

ISBN 978-5-04-118090-4

Если смешать все оттенки видимой части цветового спектра, то получится белый. Цвет снега. Цвет рамочки полароида. Цвет флага, который выбрасывают, если сдаются, потому что больше нет сил выдерживать боль или любовь, нет сил надеяться. Старшеклассница Женя связывает с белым цветом самые драгоценные моменты своей жизни — когда ее мамы были вместе, и в их общий дом еще не пришла измена; когда на белоснежных листах бумаги, она писала новые и новые письма музыканту Лене, чувства к которому захватили все ее существо. Человеческая близость, человеческое счастье — есть ли что-то более хрупкое? Даже первый снег, кажется, лежит на земле дольше.

У книги Ксении Буржской есть волшебное свойство — после ее прочтения начинаешь острее чувствовать кожей прохладные потоки счастья и то, как они день за днем безвозвратно тают в ежедневной суете. Да, ничего нельзя вернуть или удержать, но можно вовремя нажать на кнопку «внутреннего полароида».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Буржская К, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-118090-4

Предисловие

Ксения Буржская написала маленький ослепительный роман, ослепительный в буквальном смысле: столько в нем слепящего солнца, столько слепящего снега, столько белизны, столько воды. И вспышки фотоаппарата, запечатлевающего мгновения жизни.

Дороги, города, снегопады, пляжи, коробки с вещами, поезда, запахи гвоздики и дыма, «сосульки, как бороды лесных царей», рыбы и острова, и снова дороги. И письма, письма, письма,

Это роман о любви, где все любят всех: девочка — мальчика, женщина — женщину, дочка — своих матерей, и вот уже всё смешалось, и вот уже не различить, кто кого любит и кто кого сводит с ума, потому что тут во всю силу звучит, и поет, и поднимается к темному, заснеженному, набухшему тучами небу чистый голос того высокого, того невыразимого

чувства, торжества, экстаза, стремления, рвения, счастья, смешанного со страданием, но никогда, никогда не спускающегося в низины нытья, канюченья и вялой депрессии.

В этом романе много слез, но нет горя. В этом романе много разлук, но нет пустоты и отчаяния.

Всё — на взводе. Всё — на взведенном курке. Все — на натянутой тетиве. И — да, ружье стреляет; да — стрела вылетает и пронзает сердце, и одно, и другое, и третье, или что ей там полагается пронзать, но никого не убивает, потому что всё это — радость. Все это — торжество жизни. Все это — любовь. Огромная охапка снежных роз. И солнце.

И никто никогда не умрет.

Татьяна ТОЛСТАЯ

«Если я все же решусь когда-нибудь отправить Лене любовное письмо, напишу там только одно: его имя. Потому что любовь не нуждается в словах».

«Те, кто любили нас, ничему нас не научили.
Нас всему научили те, кто нас не любили».

*Линор Горалик.
Три текста*

Глава 1

ВЕРА

Моя мать любила не меня. Я отвечала ей тем же: мы обе были влюблены в одну и ту же женщину по имени Вера, крепкую и уверенную в своей правоте, нервную, как натянутая струна, и сильную, как мистраль. Возле нее мы обе ощущали себя спокойно, засыпали лучше всего, прижавшись к ней, и сны нам снились одинаково безопасные. Глядя на родителей, я часто думала о том, как такие непохожие люди могут быть вместе. Они умели радоваться миру: мы много путешествовали, даже чересчур. С самого дна своего детства, там, где заканчивался живот и начинался воздух, я помню себя в самолетах, автомобилях и поездах, в постоянном движении сквозь белое туманное пространство, насквозь испещренное косыми солнечными лучами. Мы были дорогой, постоянно убегающей от себя. До восьми лет я знала, кто я и чего мне ждать. Каждый год

мы переезжали: собирали вещи, запихивали их в машину и ехали. Я научилась спать в гостиничных номерах между матрасами: кровати сдвигали, и я забиралась между мамой и Верой, чтобы почувствовать себя в гнезде. Мама и Вера — вместе — были моим единственным настоящим домом.

Мы катались на лыжах, рассматривали картины в музеях Италии, жили на старой ферме с гусями и в трейлере на колесах, плавали на острова, ныряли со скал и глазели на рыб в огромных аквариумах. Мама и Вера казались мне воплощением свободы, но совершенно не были ею.

Абсолютно свободной от предрассудков случайно, как будто это побочный эффект их воспитания, стала я.

Мама ничего не понимала в маленьких людях. Иногда мне казалось, что она сама — такой же ребенок, так нелепо и непоследовательно она себя вела. Она могла вдруг обидеться на какую-то мою детскую игру и со злостью уйти в себя. Тогда я стояла и просила ее простить меня, взять меня на руки. Она прощала, но через минуту снова просила меня прекратить, что бы я ни делала, и сесть смиренно, чтобы не мешать ей сосредоточиться.

Мама писала картины и могла долго сидеть перед чистым холстом: сложнее всего начать. Вера

Мой белый

отчего-то была строгой с мамой и мягкой со мной. Она разрешала мне все, и просить сладости после ужина я бежала именно к ней. Они были как добрый и злой полицейский, и я не представляла, что значит потерять кого-то из них. Не понимала я и причин этой мягкости: в том, что Вера не может иметь детей, не было нашей вины, но мама все равно чувствовала себя виноватой, поэтому делилась мною больше, чем следовало.

В итоге мне было проще с Верой, по крайней мере до тех пор, пока она не ушла. После этого мне стало сложно с ними обеими.

Каждый наш переезд из дома в дом был бегством — такое впечатление, что мама и Вера пытались найти свое место, общее на двоих, но из-за того, что ничего общего между ними не было, сделать это было не так-то просто. Там, где хорошо одной, не нравилось другой. Вера была более настойчива, а мама — категорична в своих суждениях, и если уж маме не нравилось что-то, то она даже не делала попытки принять. А если Вере не нравилось — мы просто собирали коробки. В нашей семье было одно правило переездов — каждый берет с собой на новое место только одну коробку. Коробки Вера покупала на почте и приносила толстой стопкой гладкого картона. Потом мы склады-

вали их, и картон обретал объем. Вера говорила, что так в самолете надуваются подушки для сна — разреженные молекулы воздуха становятся больше.

Между мамой и Верой воздуха всегда было мало. Я залезала к ним утром в постель, и они начинали целовать меня, мне это нравилось больше, чем когда они целовали друг друга. В своем праве на владение обеими я была абсолютно уверена. Они сдавались без сопротивления. Коробки были слишком малы для моих сокровищ. Вера категорически запрещала мне брать «лишнее»: во-первых, у нас была только одна машина, во-вторых, это «лишнее». Я никак не могла понять, откуда она знает, что лишнее, а что нет. Мама понимала, что все — нужное, но переубедить Веру не могла. Она и сама расставалась с дорогим сердцу хламом, однако фотографировать вещи, которые не уцелеют, придумала я.

На пятилетие мне подарили полароид, чтобы он стал моей дополнительной коробкой — для еще восьми вещей по числу карточек в картридже, но половину я всегда тратила просто так. Мама сначала помогала мне снимать, выстраивала кадр, учила разбираться в композиции, но я не планировала заниматься искусством. Часто у меня просто не было времени подумать над кадром — я забирала в свою коробку памяти не только собственные

Мой белый

«лишние» безделушки, но и чужие — вещи, которые мне хотелось бы иметь или те, что нельзя сохранить: нужно съесть или оставить. Я снимала города и квартиры, из которых мы уезжали, свою кровать, где бы она ни находилась, обувь, из которой выросла. Я сняла рваную футболку с пчелкой и коробку от хлопьев. Я сняла собаку моей бабушки — рыжую с подпалинами, чужого надувного крокодила на пляже, шлюпку на большом круизном корабле, воду в душе, которая исчезает в сливе, шоколадный королевский пирог с сюрпризом, который мне так и не достался, маму, которая целует Веру.

Глава 2

СНЕГ

На самом деле начать нужно было иначе. Меня зовут Женя, мне шестнадцать. Я люблю худрука нашего музыкального кружка, его зовут Леня. Моя мама и моя вторая мама, Вера, не живут вместе уже восемь лет. Они расстались друг с другом, но не со мной. Потому что я их общее произведение. Вера — та, кто дает вам надежду и делает материнство возможным. Она это сделала для моей мамы. И для себя.

Через месяц у меня новогодний концерт. У нас: у меня и Лени. Я не жду, что мама и Вера — они обе — придут на него. Если честно, мне вообще все равно, придет ли хоть одна из них. Для меня важнее всего, чтобы Леня меня увидел. Хочу ему нравиться, вот и все. Просто хочу ему нравиться.

Сейчас декабрь, а снега все еще нет. Возможно, это связано с глобальным потеплением, хотя с физикой у меня не очень, и я не до конца понимаю, что это значит.

В субботу я решила поехать на старую дачу. Это просто: я говорю маме, что еду к Вере, говорю Вере, что к маме, а сама в электричке еду. Как в мультфильме про Простоквашино. Если бы у меня была другая жизнь, я бы провела ее здесь. Например, с Леней. Я знаю, что мама и Вера будут сверять мое алиби, только если я исчезну, потому что предпочитают не разговаривать без повода. Но я не планирую исчезать. Я взяла пиццу, пиво, коробку с памятью и инструкцию «Как разжечь камин». Я скачала ее из интернета и распечатала на принтере. До сих пор я никогда не разжигала камин самостоятельно, но теперь этот день настал. Хочется сказать, что я стала взрослой, но нет. Просто захотелось приехать сюда и подумать. Или, наоборот, — потупить. Когда тебя переполняет любовь, хочется бегать из угла

Мой белый

в угол, чтобы она расплескалась, а потом упасть и лежать — опустошенной. А потом снова бегать. Любовь накатывает волнами, и быть дома в этот момент невозможно.

Приехала и села на заваленные прошлогодними листьями ступени: ни облачка, ни души. В моем рюкзаке зубная щетка, трусы, майка для сна, толстовка и две тетради для писем Лене. Я могла бы писать их прямо в телефоне, но для него это слишком холодное время. Он может внезапно выключиться, матери до меня не дозвонятся, и начнется переполох. Хотя, возможно, им было бы полезно встретиться и поговорить, но вряд ли это будет эффективно. Мы уже несколько лет не бываем на старой даче.

Этот дом был подарком Веры — она хотела, чтобы у мамы была мастерская подальше от людей, поближе к природе. Думаю, Вера просто хотела спрятать ее подальше от цивилизации. Что ж, она просто немного не успела. Маме всегда было сложно противостоять соблазнам, особенно если их можно писать. В общем, мама не хотела ездить на дачу, потому что это напоминало ей о том, что этот дом так и не стал семейным домом счастья. Как будто дом виноват, что на него возлагали какие-то надежды. Это обычный дом, если подумать: веранда, две спальни и несколько сосен на участке. А чего

они ждали вообще? Странно, что его до сих пор не продали: просто не поднимается рука.

И вот — я на лестнице. В моей коробке — триста фотографий, триста самых важных вещей, которые я не смогла с собой взять никуда, кроме памяти. Мое сердце — музей пропавшего. Еще одна коробка для всякой ерунды.

Я открываю коробку, и ветер тут же забирается внутрь и принимает форму прямоугольника. Я захлопываю крышку вместе с ним, чтобы он не унес мое золото. Подношу ее к уху и слышу, как он скребется и дует на стенки. Вспоминать здесь опасно, но я аккуратно просовываю руку в щель и наугад достаю фотографию. На ней ярко-желтые «сочные» резиновые сапоги — мне семь, мы приехали в Амстердам на выходные, и с неба льют бесконечные ливни. Бесконечные ливни преследовали нас и в Лондоне, озябшей зимой, когда я впервые пошла там в школу, в свой первый класс, и Вера, работавшая полгода по контракту в английской клинике, сказала мне, что я должна не бояться говорить по-английски, а говорить — это важно. Чтобы тебя понимали. Она повторяла со мной слова: это стол, это стул, это одеяло, а мама наклеивала на окно ярко-розовую наклейку: window. На двери висел зеленый стикер «дверь». Я ходила по дому, и во-

Мой белый

круг меня стояли слова, слова преследовали меня, и только под одеялом (the одеяло) я могла бы отдохнуть от слов, но вместо этого они затекали ливнем мне в голову.

Каждый четверг мы ходили в музей. По мне, так музеи всего мира одинаковые, и к семи годам они все слились в один бесконечный музей – картины справа, картины слева, я прохожу бесплатно. По субботам мама водила меня в русскую школу (у нее был бзик, что я ни в коем случае не должна забывать русский, который у меня так и не будет шанса забыть), и скучные уроки тянулись невероятно долго, единственный плюс, что на них я понимала все, намного больше, чем в английской школе. Я понимала все, и все это было скучно.

Мама работала дома: писала портреты и абстрактные пейзажи, и в принципе могла это делать из любой точки земного шара, распахивая свой планшет как пудреницу, а Вера, как я уже говорила, была врачом. Ее белый халат в темноте светился и походил на гору, когда она шепотом входила в мою комнату поздней ночью после дежурства, на белую гору Монблан, которую я по незнанию и детской наивности перевела однажды с французского как «мой белый», когда мы взбирались на жестких цепях к зимнему домику, чтобы наутро спуститься.

Противоречие — вот что я бы сказала о своем детстве. Всю первую половину моей жизни они понимались, чтобы в последующие годы только спускаться и спускаться — в разных санях и с разной скоростью. Там, на горе, точнее, у ее подножия, я впервые почувствовала, что значит счастье: проснулась утром, ослепла от солнца и снега, от запаха гвоздики и дыма, от жара натопленной печи; побежала в спальню, расплескиваясь, звеня этим новым чувством, булькая, словно чайник. Мама и Вера обняли меня, завернули в одеяло, как шаурму. Мы хотели, а впереди был еще целый день — еще один день вместе. Я натянула сапоги и выскочила на улицу — растерла в ладонях крупный, кружевной снег. Никогда после этого дня я не видела такого белого снега. Никогда после этого дня мы не были счастливы втроем.

Вера была хорошим врачом: к ней вставали в очередь. В поисковике я нашла 48 страниц с отзывами о ней. «Вы стали нам почти что родственницей», — писали ей совершенно незнакомые люди. «Мы назвали дочь в вашу честь». Я читала и думала: как ее хватает на всех? Вера была почти что богом в своей будничной, ежедневной работе. Она давала людям детей, благословляла их вслед, происходило волшебное, и в них зарождалась жизнь. По крайней

Мой белый

мере, пока я не узнала всю правду об экстракорпоральном оплодотворении и моем собственном появлении на свет, я во всем видела божью искру. Спасибо французской воскресной школе, куда родители отправили меня, чтобы спокойно заниматься сексом по утрам воскресений. Пока я верила в божественное зарождение, они производили земное старание, не имеющее с чудом ничего общего. Если только Вера не приложит к этому руку.

Мама тоже восхищалась способностями Веры. Она, создающая только цвета и фигуры, восторгалась тем, что Вера делает настоящее. Тогда она не упрекала ее за поздние возвращения домой или ранние уходы, за внеурочные душеспасительные беседы с пациентами, за цинизм и здравый смысл, присущие врачам. Но вряд ли мама сказала бы именно так. Она просто ее любила.

Глава 3

МАМА

И мама была маленькой девочкой, потом средней, потом выросла и встретила Веру. Но все-таки не сразу это произошло, не так быстро, как я это написала. Сначала было царство прабабушки. Она управ-

ляла всем: домом, школой, автомобилем «Москвич». Управляла и мамой — маленькой девочкой с тугими косичками. Косички завязывали утром, развязывали вечером, после чего на голове появлялось море. Оно волнами накрывало уши и плечи, жаль, что никогда не держалось долго. Девочку звали Сашей.

Она не любила это свое нелепое бесполое имя. Однако и мне досталось такое же. Объясняли просто: «Мы не знали, кем ты родишься, но нам было так сложно договориться, что на два имени нашего терпения не хватило».

Мама Саши, моя бабушка Марина, не собиралась становиться мамой, ни Сашиной, ни чьей-то еще, по крайней мере так рано, но Саша ждать не стала. Она всегда все делала по-своему и меньше всего на свете любила ждать.

В отличие от меня — в этом умении я превзошла бы всех.

Марина довольно быстро обзавелась умением кружить головы мальчикам, у нее как раз море на голове не переставало — оно шумело всегда, и его не нужно было сдерживать косичками. С подружками на первом курсе института они повадились гулять с моряками из училища Фрунзе и не одну ночь провели в подсобных помещениях гостиницы «Советская», куда их пускал знакомый портье.